

*Здесь, среди этих холмов, на этом клочке земли – весь мир.
Вся злоба, и тщеславие, и алчность, и похоть его, о да, и мило-
сердие, доброта и чистота души. И бог, и дьявол – оба гуляют
по этим полям.*

Хьюго Уолпол

ПРОЛОГ

20 декабря

Зима на Святом острове – суровое, безжалостное время. Хищные ветры Северного моря проносились по мощным булыжником улочкам, петляли между приземистых каменных домишек, которые теснились друг к другу словно бы в попытке согреться. А над деревушкой нависал монастырь, утративший былую статью, но вот уже тысячу лет не поддающийся усилиям времени.

В монастыре лежала дрожащая Люси, девушка была обнажена и беззащитна перед холодом, а между тем температура упала гораздо ниже нуля. Время от времени вся она вздрагивала в приступе боли, сотрясавшем ее щуплое тело, распластанное под усыпанным звездами небом.

Ей казалось, что глаза у нее открыты, но точно она не знала. Вокруг было так темно.

Она попыталась моргнуть, и, хотя эта непосильная задача немедленно лишила ее всех оставшихся сил, постепенно Люси сумела сконцентрировать взгляд. Знакомый силуэт монастыря приобрел привычную форму, его стены высились над нею, словно черные пальцы на фоне чернильно-синего неба.

Камни монастыря были плохим укрытием, а ложем еще худшим. Теперь ее крупно трясло — так тело реагировало на шок и переохлаждение.

Она пила, вспомнила вдруг Люси. На языке еще оставался привкус красного вина и с ним чего-то еще, отдающего металлом. Она сглотнула, и тотчас же ощутила жжение в горле. Она поняла, что хватает воздух, широко, жадно открывая рот, короткими рывками толкая в себя холод. В попытке облегчить жжение она попробовала было поднять руки, но те были слишком тяжелы.

Почему она не может пошевелиться? Нахлынула паника, пальцы рук задергались, пытаюсь нащупать что-нибудь, хоть что-то. Подушечки пальцев мазнули по каменной поверхности, и она попыталась нащупать ее край, но даже это слабое движение породило волну тошноты.

— Помогите! Пожалуйста, помогите! — Но вместо слов зазвучал придушенный сип. Из глаз потекли слезы.

Какое-то мгновение она слушала шум волн, бьющихся о берег внизу, такой оглушительный в этом вечернем безмолвии. Она пыталась услышать что-нибудь еще, надеясь и молясь о том, чтобы ее жалкий зов был услышан.

И — чудо! — под чьей-то ногой захрустели камни. Кто-то шел к ней.

— Я здесь! Здесь! Пожалуйста! — Она так прикусила губу, что потекла кровь. — Помогите!

Невидимый человек не ускорил шага и неотвратимо шел своим путем.

На нее упала тень, лицо человека было невидимо в кромешной черноте. Но она услышала голос.

— Мне жаль, Люси. Мне правда жаль.

Ее трясущееся тело замерло от страха, не в силах поверить. Она попыталась податься туда, откуда звучал голос, найти его источник, но смогла лишь дернуть шеей.

Жаль?

Разум отчаянно пытался понять сказанное, поверить в услышанное.

— Ты... ты не... — прошептала она. И вновь попыталась открыть рот, но не могла уже издать ни звука.

Укрытый завесой тьмы, он долгий миг смотрел на нее сверху вниз, отдавшись воспоминаниям, смешанным с сожалением. Он поднес дрожащие руки к ее горлу и ощутил стремительное биение пульса. Помедлил, гадая, не зря ли принес ее сюда.

На сей раз — не зря. Ошибок больше не будет.

Смерть пришла к Люси не сразу, но в бесконечные мгновения перед тем, как свет ушел навсегда, она подумала о доме.

ГЛАВА 1

21 декабря

*Н*есколькими часами позднее, сутулясь от жалящего холода раннего декабрьского утра, Лиз Морган собралась с духом и вместе с собакой вошла в ворота, за которыми лежал путь к развалинам. Она торопилась, зная, что до рассвета осталось совсем не много. Почти не сбив дыхания, она торопливо прошла между камней, чувствуя покой, исходящий от древних стен, слегка, казалось, просевших на старости лет. «Совсем как я», — промелькнуло в голове, и Лиз не впервые подумала о том, что ранние утренние прогулки с собакой больше не помогают сбросить лишний вес, уютно расположившийся у нее на бедрах.

Сворачивая за угол, она приготовилась к порыву студеного ветра с моря, и ветер не заставил себя ждать. Она остановилась спиной к монастырю и стала смотреть, как занимается заря, крася замок Бамборо на фоне голубого туманного марева. Скальное основание замка располагалось к югу от острова, и камни теплого ржавого окраса наливались цветом в первых лучах солнца, словно пришедшего почтить твердыню, некогда служившую домом давно позабытых английских королей.

На ветру из глаз потекли слезы, седеющие на висках волосы лезли в лицо, и их приходилось убирать назад. Она рассеянно потрепала по шерсти шоколадного цвета лабрадора — пес хорошо знал порядок и смиренно сидел рядом с хозяйкой, покуда та совершала молчаливую ежедневную церемонию.

Время текло незаметно, и наконец Лиз развернулась и зашагала вдоль стен замка, рассеянно думая о том, что дома ее ждут завтрак и теплый душ. Ветер выл в щелях, и стены, будто перешептываясь, следили за ее шагами, молча выжидая.

Ждать им пришлось недолго.

Пыхтя и выдыхая в холодный воздух облачка пара, Лиз обогнула обрыв и поспешила за псом, который с лаем бежал впереди.

И остановилась как вкопанная, на подгибающихся ногах.

— Бруно!

Она машинально отозвала собаку, которая уже принялась было исследовать то, что виднелось впереди. Затем нахлынул ужас, он отдавал кислотой и горечью. Сдерживая хлынувшую в горло желчь и рвоту, Лиз попыталась — тело бессознательно отрицало то, чего не мог не видеть взгляд. Она приказывала себе дышать, пока первые волны ужаса не остались позади. Наконец она заставила себя посмотреть снова.

Девушка, которая звалась Люси Мэтьесон, лежала обнаженной на гигантском алтаре. Крошащиеся каменные стены укрывали ее от самых сильных порывов ветра и морских брызг и придавали картине суровую тор-

жественность. Руки и ноги были расставлены как будто специально, и даже в смерти лишали тело всякого намека на достоинство. Безжизненную кожу горла и предплечий покрывали уродливые кровоподтеки. Длинные темные волосы были выложены за головой ровной дугой, но слиплись от крови на виске и сырости, которую принес ночной дождь. Глаза, некогда такие живые, голубые как васильки, подернулись белой пленкой и невидяще смотрели в нарождающийся день.

* * *

В коттедже на другом конце деревни Райан заглотил первую за день чашку кофе и с наслаждением ощутил, как кофеин заструился по венам. Позади была очередная бессонная ночь, когда он слушал, как бьются о берег волны, и жаждал забытья. Он перешел к окну, смотрящему на дамбу, и всем длинным телом навалился на деревянный подоконник. Глаза, цветом повторяющие затянутое тучами небо, были устремлены на волны, не спеша отступавшие в море с отливом; Райан знал, что через час или около того откроют дорогу, которая шла по дамбе, соединяя остров с материком. По ту сторону пролива мерцали огоньки — невеликое утешение, а все-таки были и другие бессонные души, которые вместе с ним бодрствовали в этот ранний час. Еще пять минут, сказал он себе, и на пробежку, ту самую, которой он уже не первую неделю манкировал.

— Вот именно, — пробормотал он, глядя, как устремились к бухте редкие рыбацкие суденышки по паре человек в каждом.

За окном низко над каменистым берегом пронеслась пустельга, и он вернулся мыслями к работе.

«Ты в отпуске», – всплыла непрошенная мысль, напоминая о том, что полицейскому управлению Нортумбрии его услуги в ближайшее время не потребуются. Он дернул уголком рта и запустил пальцы в растрепанную угольно-черную шевелюру.

– Жопы, – только и выговорил он, хотя на самом деле был зол скорее на себя, чем на них. Начальство предложило ему взять отпуск на три месяца минимум. И он знал, что так будет лучше всего.

Как будто у него был выбор.

Он прижался лбом к холодному стеклу. Вполне возможно, что отдохнуть от работы – лучшее, что он когда-либо предпринимал. Беда лишь в том, что теперь у него было слишком много свободного времени. А безделье открывало дверь воспоминаниям, которые он старался изгнать навсегда.

Веки отяжелели и поползли вниз, но тут раздался резкий стук, и глаза снова распахнулись. На какой-то краткий миг он подумал, что это шумит у него в голове после вчерашнего, но звук повторился, и на сей раз настойчивей. Он оттолкнулся от окна и пошел к двери.

Стук стал громче.

– Иду, иду!

Когда он повысил голос, ровная обычно речь приобрела более отрывистое звучание. Наследие лет, проведенных в школе-интернате, где от учеников не ожидали – требовали безукоризненного произношения, равно как одежды и манер. Выйдя в прихожую, он поймал свое

отражение в висящем там зеркале и усмехнулся уголками губ.

«Что за неподобающий наряд, Райан, разве так должен выглядеть ученик нашей школы», — подумал он, отметив шерстяной джемпер в катышках, выцветшие джинсы, щетину на лице.

Максвелл Чарльз Финли-Райан. Впрочем, он предпочитал простое «Райан». Жизнь и так штука непростая, так стоит ли дополнительно усложнять ее этой чередой вычурных имен.

Он повозился с замком, и наконец дверь открылась. Перед ним стояла дрожащая женщина. Лет сорок пять, худощавая, с короткими пепельно-русыми волосами, подстриженными шапочкой, но нынче растрепанными ветром и влажными. Дрожащие пальцы цеплялись за края теплой куртки с капюшоном. У ног женщины скулил темно-коричневый лабрадор.

Доун? Дженет? Кажется, он видел ее в ремесленном магазинчике в деревне.

— А, — попытался он было вспомнить хоть какие-то социальные реверансы, но женщина перебила его, и с онемевших губ лихорадочно полились слова:

— Я нашла ее в монастыре. Идемте со мной.

Райан поднял бровь, но чутье уже подсказывало ему, что дело нечисто. Зрачки у женщины были как булабочные головки. Руки дрожали, дыхание прерывалось.

— Так, вот что... Лиз, — вспомнил он, потому что память вдруг подбросила картинку, как он покупает у этой женщины свечу с цветочным запахом в подарок матери. — Зайдите в дом, на улице холодно.

— Нет, нет, идемте сразу. — И она затряслась всем телом, в то время как он попытался мягко взять ее за руки.

— Я вам помогу, но сначала войдите и сядьте.

Он провел ее по короткому коридору в гостиную, где уютно выступал из стены камин и стоял потертый кожаный диван. Пожалел, что в камине не горит огонь. Потом еще раз пожалел — о том, что не убрал оставшуюся с вечера пустую бутылку и полупустую — с красным вином, а впрочем, судя по виду женщины, ей было не до обстановки. Собака, не желая расставаться с хозяйкой, потихоньку вошла следом.

— Так, — сказал он, усадив женщину на диван. — Что случилось? Вы не поранились?

— Нет-нет, со мной ничего. — Ее лицо болезненно искажилось. — Это с Люси... она лежит там, в монастыре.

Он увидел, как по ее щекам побежали крупные слезы, и внутри у него шевельнулось дурное предчувствие.

— Что случилось с Люси? — ровным голосом спросил он.

— Не знаю, но она мертвая. — Ее голос был пуст и звучал отрывисто из-за частого неровного дыхания. — Я нередко с ней сидела, когда она была маленькой. А ее мать... Господи, Хелен, ну как я ей скажу?

Она закрыла глаза, а когда вновь открыла, они потемнели от горя.

— Она была совсем дитя. Была и осталась — дитя.

И женщина зарыдала горькими душераздирающими рыданиями, сотрясавшими всю ее невысокую фигуру.

Райан подобрался. По всему выходило, что приказы

приказами, а смерть все равно следует за ним повсюду, куда бы он ни направился.

— Вы уверены?

Женщина решительно кивнула:

— Ее больше нет.

И он поверил.

— Подождите тут, — бросил он, быстро прошел к телефону в коридоре, нашел номер местной береговой охраны и набрал. Полицейского участка на острове не было.

— Алекс? — спустя несколько гудков произнес он, зная, что человек по ту сторону трубки уже добрый час как заступил на вахту.

— Аюшки, — ответил дружелюбный северный говорок. — Что там у тебя стряслось?

— Надо перекрыть территорию вокруг монастыря. Никого не пускать, никаких прохожих, пока что — только меня одного.

— А? Слушай, с чего бы...

— Там нашли труп девушки.

На линии воцарилась гудящая тишина, потом голос Алекса зазвучал снова, уже глуше.

— Ты уверен?

Райан подумал о женщине в гостинной. Вдруг Лиз все-таки ошиблась.

— Свяжись с местным врачом и скажи, чтобы ждал нас у входа в монастырь. Он и выяснит.

Только никак нельзя допустить, чтобы все окрестные жители ринулись поглядеть своими глазами на место преступления.

— Дальше входа никого не впускать и не выпускать

без моего ведома. Возьми с собой ленту, огороди там все, да прихвати что-нибудь накинуть на себя сверху. Лучше всего плащ, если есть.

Райан сделал паузу, открыл входную дверь, понюхал воздух.

— Возьми парусину или кусок полиэтилена побольше, дождь собирается. Я выхожу, скоро буду. Свяжись с полицией на большой земле. Попроси, чтобы диспетчер сообщил Грегсону, а тот пусть высылает группу.

Прежде чем ответить, Алекс испустил долгий вдох.

— Мой отец — врач, и он как раз живет на острове, я с ним свяжусь. Но дорогу откроют через час, раньше полиция не проедет. Райан, ты это, будешь... — Он нервно покашлял. — Понимаешь, я никогда ни с чем таким не имел дела.

Береговая охрана Линдисфарна имела особое разрешение и в экстренной ситуации могла выезжать на место преступления для быстрого реагирования, однако до сих пор ей приходилось сталкиваться разве что с редкими и не сказать чтобы особо буйными потасовками в пабе, да еще однажды двое туристов на внедорожниках повздорили, выясняя, кто кому въехал в зад. Убийство было для охраны делом невиданным.

— Я тебе все покажу и объясню. Буду через пять минут, Алекс, край — десять.

Он повесил трубку и вернулся в гостиную, на миг задержавшись в дверях. Лиз сидела ссутулившись и выглядела еще старше и уязвимее, чем прежде. Лицо ее было бледно, глаза потемнели, а руки по-прежнему тряслись.

— Лиз, — осторожно сказал он и увидел, как она

вздрыгнула, — может быть, я могу кому-нибудь позвонить? Давайте принесу вам воды?

— Позвоните Шону. — И она продиктовала номер.

Он позвонил ее мужу и рассказал о случившемся. Тревога, немедленно прорезавшаяся в голосе собеседника, подсказывала Райану, что следующего стука в дверь долго ждать не придется. Хорошо, что Лиз не одинока.

Еще несколько минут Райан потратил на то, чтобы быстро опросить Лиз и выудить из нее хоть что-то, но вскоре она окончательно утратила самообладание. Ее муж приехал быстро, и, провожая обоих, Райан задумался, почему же первым побуждением Лиз было бежать к нему, Райану, а не к любимому супругу. Мрачно сжав губы, он схватил сотовый телефон и выездной набор, который держал в шкафу в прихожей.

Похоже, трехмесячному отпуску пришел конец.

* * *

Райан перемахнул через ворота для посетителей на входе в монастырь, длинные ноги пожирали расстояние, ботинки укрывал пластик. Он заметил, что всякие попытки сдержать любопытную общественность отсутствуют, и вознамерился немедленно это исправить. Видно, береговая охрана не спешила на место происшествия. Он достал рулон полицейской ленты и даже не стал спрашивать себя, каким же надо было быть циником, чтобы при переезде на Линдисфарн прихватить ее с собой. Лентой он перекрыл вход, а потом и по забору протянул.

— Пока хватит, — буркнул он.

Он окинул взглядом окрестности. Место было уединенное — девяносто процентов строений на всем острове приходились на деревушку, и на берегу либо чуть поодаль виднелись разве что редкие пляжные домики. Когда он повернулся, слева от него виднелся край деревни, а справа — бухта, протянувшаяся в направлении замка с пристроенным у его основания домиком, где базировалась береговая охрана. Никаких подозрительных припаркованных машин, никаких людей, только девушка, которая его здесь дожидалась.

Шагая, Райан внимательно осматривал мох, росший между камнями, из которых были сложены стены. По дороге фотографировал — криминалисты, конечно, и сами это сделают, но мало ли что можно упустить с первого раза. Ни следов, ни примятой травы, только хорошо утоптанная тропинка, которая шла вдоль стены монастыря, однако он все равно шел по краю — на всякий случай. Никаких явных признаков местонахождения тела не было, поэтому Райан положился на полученное от Лиз описание и внутренне подобрался, поскольку почувал, что находится уже рядом, когда, миновав несколько высоких стен с арками, был встречен сладковатым запахом, который невозможно было ни с чем перепутать.

Он не впервые видел смерть. Внутри что-то подпрыгнуло, но наружу не прорвалось, хоть и пыталось. Некогда хорошенькая девушка была распластана на большой каменной плите. Ее ноги были разведены, и лишь обширный опыт позволил Райану не отводить глаз и не чувствовать себя грязным вуайеристом. Животный мир

уже принялся за дело, обыденно заметил Райан, однако из этого следовало, что девушка умерла не более нескольких часов назад. Тело на вид окоченело, но не до того деревянного состояния, с которым ему тоже уже приходилось сталкиваться. Должно быть, трупное окоченение вступило в свои права сравнительно недавно — насколько он мог судить. Он сделал фотографии со всех сторон, потом отошел подальше, чтобы заснять все место преступления.

Нахмурившись, он опустил фотоаппарат. Поза девушки выглядела так, словно тело уложили нарочно. Она была нага, обе руки повернуты ладонями вверх и вытянуты в стороны. Из пореза на виске текла кровь, склеивая волосы, и этой самой кровью некто сделал отметки на лбу и на ладонях жертвы и провел линии по туловищу от груди до пупка. Волосы словно специально расчесали, чтобы они красиво обрамляли лицо. Райан принюхался. Помимо тяжелого запаха подступающего разложения пахло чем-то еще. Чем-то вроде душистых трав (тут ему некстати подумалось о карри). Он запомнил эту мысль и снова посмотрел. Она умерла не от удара по голове, подумал Райан. Аккуратно обходя тело, оставляя нетронутым изрядное расстояние вокруг него, он разглядел пятна синяков на тонком горле и признаки лопнувших сосудов под кожей лица. Кто-то с большими ладонями душил девушку, пока она не умерла.

Одежды на ней не было.

— Осторожный, да? — пробормотал Райан.

Безостановочно обшаривая взглядом все вокруг, он

ушел к выходу и стал стеречь место преступления до появления береговой охраны.

— Никуда ведь не торопятся, — произнес он, поглядев на часы. Почти шесть пятнадцать.

Полиция сможет добраться до острова только через сорок минут; если вызвать с базы ВВС на большой земле вертолет, выйдет столько же, да и лодкой тоже.

А еще надо сделать звонок, и откладывать больше нельзя.

Он достал из кармана телефон, набрал номер и бессознательно расправил плечи.

— Грегсон, — рявкнул на линии знакомый голос старшего следователя и главы отдела уголовной полиции Нортумберленда.

— Сэр, это Райан.

Пауза была почти незаметна.

— Рад тебя слышать. Поболтать звонишь? Для этого время неподходящее.

Райан проигнорировал вопрос, поскольку совершенно случайно знал, что ровно в шесть ноль-ноль утра, в дождь и в ведро Артур Грегсон уже пребывает на рабочем месте как штык. Несмотря на высокое звание, он приходил на работу первым, а уходил последним. Последних новостей, по всей видимости, он еще не получил, поэтому Райан сразу перешел к делу:

— Как вам известно, я уже некоторое время нахожусь на Линдисфарне. Примерно пятнадцать минут назад мне сообщили о происшествии. Сообщение поступило от местной жительницы, которая живет на острове и первой оказалась на месте преступления. Ввиду от-

сутствия дежурного офицера я взял у свидетельницы предварительные показания и немедленно связался с береговой охраной, поскольку постоянного полицейского участка на острове нет. Я порекомендовал охране связаться с властями и передать дело в ваше отделение.

— Происшествие? — Грегсон всегда был немногословен.

— Да, сэр. Я решил, что мне следует самому побывать на месте преступления в разрушенном монастыре. Я намерен проследить за тем, чтобы береговая охрана в кратчайшие сроки перекрыла все возможные пути доступа к месту происшествия. В результате первичного осмотра обнаружено тело местной девушки примерно двадцати лет, погибшей при подозрительных обстоятельствах.

Он подумал о теле, лежащем всего в нескольких футах у него за спиной, и уже тверже произнес:

— Похоже на убийство, возможно ритуальное.

С другого конца линии донесся чуть слышный вздох.

— Так, Райан, свою часть дела ты уже сделал. Пошлю Филлипса или Маккензи.

— Прошу разрешения вернуться в строй и возглавить расследование.

— Ни в коем случае.

Райан скрежетнул зубами. Ничего иного он не ожидал.

— Я полагаю, что уже достаточно долго отдыхал от служебных обязанностей, — только и смог выговорить он. Но когда заговорил снова, голос его звучал ровно. — Кроме того, хотелось бы напомнить вам, что я являюсь

активным членом местного сообщества, — не моргнув глазом соврал он, а про себя вспомнил, сколько часов лежал в постели, глядя в окно. — Я знаком с островом и с его обитателями. Я занимаю крайне выигрышное положение и могу опрашивать местных жителей и вести расследование.

Сидевший за столом в главном управлении Артур Грегсон откинулся на спинку кожаного офисного кресла — подарка жены, призванного избавить его от постоянных болей в спине, — и побарабанил широкими крестьянскими пальцами по столу, неизменно содержавшемуся в безупречном порядке. Райан был одним из лучших его сотрудников. До недавних пор энергичный, преданный делу, а кроме того, знал Грегсон, за этой смазливой физиономией, на которую частенько западали девицы, скрывался острый как бритва ум. Райан быстро продвигался по карьерной лестнице. Блестящее образование помогло ему сунуть ногу в эту дверь, но заменить собой опыт было не в силах, и Грегсону пришлось признать, что дальше Райан пробивался исключительно самостоятельно. Два года назад он, Грегсон, лично сообщил Райану о присвоении тому звания старшего инспектора уголовной полиции.

Шесть месяцев назад Райан угодил в немислимую ситуацию, и дорого за это заплатил. Вопрос был в том, готов ли он снова встать в строй. Грегсон быстро припомнил отчет полицейского врача о психологическом состоянии пациента, протокол и все связанные с ним документы.

— Ты уже начал посещать консультанта, как рекомендовано? Медицинский осмотр прошел?

Затянувшаяся пауза говорила сама за себя.

— Ну...

— Господи, Райан.

Райан еще раз подумал о девушке, которая лежала мертвой у него за спиной, и заставил себя проглотить гордость.

— Я займусь и тем и другим.

В шитом на заказ костюме форменного цвета, с седеющими волосами цвета стали Грегсон выглядел весьма импозантно и вполне мог бы быть политиком и произносить речи наравне с виднейшими представителями этой братии. Но не так уютно чувствовал он себя за столом, чтобы позабыть времена, когда патрулировал улицы, годы в роли рабочей лошадки, пройденные до того, как он встал у руля. Он был человек осторожный, педантичный, но никогда не боялся делать то, что подсказывал ему внутренний голос.

— Ну так займись. — Снова пауза. — Отзываю тебя из отпуска и обязываю посетить врача, который даст письменное заключение о твоем состоянии здоровья. И мне будет куда легче, если ты найдешь себе консультанта.

— В отчете говорилось, что это рекомендация, а не требование, сэр.

Признавая справедливость данного замечания, Грегсон велел себе выбросить это из головы.

— Возвращайся к работе сию же минуту. — Он поколебался, но все же рискнул: — Отдаю дело под твой контроль. Команду наберешь сам.

Голос Райана оставался ровным, но исходившее от него облегчение было буквально физически ощутимо.

— Спасибо. Для начала я возьму Филлипса. Еще понадобится криминалист с подручными и пара полицейских, чтобы охранять место преступления и опрашивать местных жителей. — Тут он оглянулся и подумал о том, как велик остров и сколько всего надо сделать. — Насчет криминалиста смотрите сами, но я бы предпочел Фолкнера.

— Я сам вызвоню Филлипса и скажу ему, чтобы он навел страху на криминалистов.

— Было бы неплохо держать прессу подальше столько, сколько получится. И ближайших родственников я еще не проинформировал.

— Сегодня после обеда сделаешь предварительное заявление, иначе эти проныры сами что-нибудь сочинят. Жду регулярных докладов о том, как движется дело. Не разочаруй меня.

— Есть.

— Ах да, Райан! Добро пожаловать на службу!

Услышав шум приближающихся шагов и голоса, Райан уронил телефон в карман. Часть его существа напряглась, и по жилам хлынул адреналин, однако он заставил себя расслабиться. Из-за угла показались форменные красные куртки офицера береговой охраны и его помощника. Райан оценивающе кивнул обоим. Он узнал старшего из них, Алекса, поскольку тот представлял собой постоянный элемент деревенского пейзажа. Чуть за шесть футов ростом, около тридцати лет, светловолосый, спортивного телосложения, с дружелюбным лицом, он пользовался

популярностью у особ женского пола. С виду он походил скорее на серфера, чем на офицера береговой охраны; Райан не раз видел, как он бегаёт трусцой мимо его, Райана, коттеджа, и уже почти совсем было собрался с духом, чтобы присоединиться и бегать вместе.

Пит, помощник, выглядел совсем молодым. По правде говоря – парнишкой, у которого только недавно перестал ломаться голос, но чтобы отвлечь внимание от этого факта, он отрастил бородку клинышком. Ростом он почти не уступал начальнику, но был худощавее, с длинными руками и ногами. Взъерошенные светло-каштановые волосы никак не вязались с тщательно подбритой бородкой, из чего Райан заключил, что парня только что вытащили из постели.

Оба явно нервничали.

– Что так долго, черт возьми?

– Райан, – кивнул Алекс, одной рукой поднимая темные очки и засовывая их в густую светлую шевелюру, а другую протягивая Алексу. – Извини за задержку. Трудновато было добыть пластик в такую рань.

Райан коротко пожал ему руку, проигнорировав сарказм, и кивнул молчаливому Питу. Потом отступил назад, оглядел обоих, пожалел, что это не профессиональные судмедэксперты, но сказал себе, что придется обходиться тем, что есть.

– Первым делом надо закрыть обувь и одежду. Плащи взяли?

– Э-э...

Выругавшись про себя, Райан стал рыться в собственном рюкзаке.

– Держите, – резко сказал он, бросил парням по паре пластиковых мешков для мусора и подождал, пока те надели их на ноги и завязали, прикрыв ботинки и нижнюю часть джинсов.

– Пока придется так. Надо растянуть пластик над местом преступления. Дождь собирается.

Алекс с сомнением поднял глаза к бледно-голубому небу, омываемому неяркими лучами солнца, но промолчал.

– Идемте.

Они двинулись по тропе, придерживая бьющийся на ветру пластик. Райан свернул в монастырь и посмотрел на спутников – как-то отреагируют? Первым сломался Пит. Он обхватил руками живот, отвернулся и без лишних предисловий выблевал завтрак.

Райан его не винил. На всех так действует, в первые несколько раз.

Алекс мужественно похлопал Пита по спине, но, судя по зеленоватому оттенку, проступившему на выдубленной ветром и солнцем коже, сам с трудом удерживал свое при себе.

– Господи. – Он провел тыльной стороной ладони по губам. – Господи.

– Господь тут ни при чем, – пробурчал Райан, глядя на собеседника. Это выражение лица он видел уже добрую сотню раз и опознал его как некую смесь ужаса со жгучим любопытством. Глаза у Алекса были как блюдца, он стоял, глядя на тело, шея напряглась. Райан посмотрел на небо – его потихоньку затягивало.

– Ее звали Люси, – выдавил Алекс.

Райан пришел в легкое замешательство, но кивнул:

— Точно. Так вот, вокруг Люси надо все закрыть. На десять метров во все стороны. Дождь собирается.

Они взялись за дело и огородили тело пластиком, оставив вокруг Люси метров десять свободного пространства, а сверху натянули импровизированный потолок. Райан заметил, что к концу работы оба его помощника тяжело дышали, и порадовался, что те сумели удержаться и не запачкать место преступления. Хотят блевать — пусть блюют где-нибудь в другом месте. Оба работали молча, не поднимая глаз, пока тишину не нарушил дрожащий голос Пита.

— А можно ее прикрыть? В смысле ей же не обязательно лежать вот так, без ничего?

Райан повернулся, посмотрел на мужчину, вчерашнего мальчишку, и прочел в его глазах печаль. Но велел себе быть твердым.

— Это место преступления, Пит. Вас учили, какие должны быть первые шаги?

— Да, но...

— Тогда ты должен знать, что до прибытия криминалистов место преступления следует сохранять в неприкосновенности.

— Просто я... — У Пита на глазах выступили слезы. — А, ладно. Ничего.

Покончив с работой, Пит вышел из импровизированной палатки и ушел в дальний конец церкви.

— Тяжко ему, — заговорил Алекс, глядя вслед помощнику, который изо всех сил пытался сохранить самооб-

ладание. — Он с Люси в одном классе учился. Мы все ее знали, но он-то с ней вместе вырос.

— Ага, — только и сказал Райан и отложил эти сведения на будущее. Сейчас его внимание занимали более насущные вопросы. — Встань у входа для посетителей и никого не пропускай. Еще проходы здесь есть?

Алекс покачал головой:

— Нет, на мыс можно выйти только здесь. Монахи специально так строили, для защиты. — Он махнул рукой в сторону моря, видневшегося в каменных проемах. — По-другому — только если взобраться на утес снизу.

Райан повернулся туда, куда указывал Алекс, и увидел обрыв над берегом, огороженный деревянным забором, тянувшимся по периметру монастыря. Кивнул — пока этого хватит.

— Пошли Пита на ворота, ему надо проветрить голову. Пусть записывает всех, кто входит и выходит. Вот, — Райан вытащил из небольшого рюкзака бутылку воды, — отдай ему.

Алекс задумчиво кивнул, заново присматриваясь к человеку, который сначала показался ему таким отстраненным. Потом повернулся и ушел отдавать указания Питу. На глазах у Райана юнец с готовностью кивнул, хотя дышал все еще сквозь зубы. Развернулся и почти побежал вниз по склону, к воротам.

— Питер хороший парнишка, — выступил на защиту помощника Алекс. — На этом острове давным-давно ничего подобного не бывало. За мою жизнь уж точно.

— Люди убивают друг друга по всему миру.

— Да, но Линдисфарн — это же святое место. — Алекс печально покачал головой. — Все равно что в церкви убить.

Алекс ушел к Питу, а Райан повернулся спиной к Люси и извинился перед ней про себя. Чтобы прощ было расследовать убийство, нужно держаться на шаг в стороне, не вовлекаться. Если же он начнет думать о Люси, о ее каштановых волосах и славных голубых глазах, о том, что она приехала домой на Рождество, и обо всех рождествах, которых она уже не увидит, — он может и не выдержать.

Он стоял и хмурился — высокий угрюмый человек, недвижимый, как камни вокруг. Не мог он не вовлекаться. Пусть он прожил на острове всего пару месяцев, но люди, та же Лиз, доверяли ему и хотели, чтобы он делал свое дело. Он пообещал ей, что разберется со случившимся, и он выполнит обещание. Островитяне, сами того не зная, дали ему приют и убежище — то, в чем он так нуждался. И он перед ними в долгу.

А кроме того, подумал он, растирая замерзшие руки, они теперь сами нуждаются в защите, потому что убийца живет среди них. Он был чертовски уверен: медики скажут, что Люси Мэтьесон убили прошлой ночью, уже после того, как прилив отрезал остров от берега, а значит, ее кровь на руках у кого-то из островитян.

Он снова посмотрел на часы. Дорога откроется через четверть часа.

— Алекс! — позвал он, переминаясь с одной озябшей ноги на другую. — Отправь пару человек дальше по берегу, к главной дороге. Пусть поставят пост — никого по

дамбе не выпускать, никого не впускать, кроме местных жителей и тех, кто приехал по делу.

— Нет, Райан, не выйдет. Сегодня приедет целая куча народа, сам знаешь. — Алекс болезненно скривился. — И потом, у нас просто не хватит рук. Есть Пит на воротах, есть я... до Роба вот еще никак не дозвонимся. Он работал в ночь. Марк уже едет.

На этом короткий список добровольных помощников береговой охраны был исчерпан.

— А что сегодня за день такой особенный? — пожал плечами Райан. — Все потому, что Рождество скоро?

Алекс посмотрел на него так, словно у Райана выросла вторая голова.

— Ну, в Рождество на Линдисфарне всегда шумно, это да, но сегодня двадцать первое.

Райан вызвал в памяти календарь, но ничего особенного не нашел.

— Зимний солнцеворот, — сказал Алекс, присовокупив к словам выражение лица, которое словно бы говорило «понаехали тут».

У Райана слово «солнцеворот» ассоциировалось разве что с заворотом кишок.

— Ясно, — с ничего не выражающим лицом сказал он.

Алекс переступил с ноги на ногу и заговорил учительским тоном:

— В день солнцеворота неоязычники собираются и устраивают празднество, потому что дальше день будет расти, а ночь — укорачиваться. Обычно сборище у них

на берегу, разжигают пару-тройку костров, поют пару-тройку песен и жарят мясо.

Райан не считал себя верующим. Слишком много он повидал, слишком хорошо знал, что один человек может сделать с другим, чтобы после этого верить в Бога, который допускает подобные вещи. Но если кто-то хочет потанцевать вокруг палки с лентами и упиться вдрызг — что в этом такого? Если, конечно, кому-нибудь не придет в голову всерьез заняться вопросом священной жертвы, добавил про себя он, вспомнив о девушке, которая лежала на холодном камне у него за спиной.

— А как к этому относятся местные? — спросил он.

— Старшее поколение в основном христиане, но почти все сдают комнаты туристам и держат сувенирные магазинчики, поэтому просто вежливо улыбаются и кладут денежки в карман. А остальным по барабану, — красноречиво пожал плечами Алекс.

Райан на мгновение призадумался.

— А викарий? — Его взгляд зацепился за колокольню единственной на острове церкви, которая едва виднелась за крышами раскинувшейся внизу деревни. Церковное кладбище примыкало к территории монастыря.

— Майк? — рассмеялся Алекс. — Да он обожает этот праздник. Каждый год пользуется возможностью, несет слово Божье и старается обратить неверных.

Райан промолчал, но запомнил. Все это интересно, но факт остается фактом: меньше всего на свете им здесь нужны толпы туристов, которые станут бродить по окрестностям.

— Если сегодня ожидается наплыв туристов, значит,

въезд точно надо перекрыть. Подумай сам! — оборвал он запротоствовавшего было Алекса. — Убийца — из тех, кто уже находится на острове.

Алекс помрачнел.

— Это другое дело. Но нашим все равно не понравится.

— Жестокое убийство соседки понравится им в тысячу раз меньше. — Райан не собирался идти на компромисс. — Найди Роба и Марка, понадобится — так лично вытряхни из постели, но бога ради, отправь их к дороге. Мне нужны все имена и номера машин тех, кто приезжает и уезжает. — Он помолчал и вспомнил Лиз. — Марк — это Марк Боуэрс?

Алекс кивнул.

— Он волонтерит в береговой охране один-два раза в неделю. В остальное время управляет культурным центром и магазином подарков, водит экскурсии по историческим местам.

— Передай ему, что сегодня культурный центр закрыт. Посетителей не будет. И пусть не дергает Лиз Морган. Она на работу сегодня не выйдет.

Алекс ответил ему сумрачным взглядом, кивнул и отправился исполнять поручения.

Удовлетворенно сказав себе, что процесс пошел, Райан решил позвонить помощнику Грегсона и оставить тому сообщение. Пусть это трусливо, но очень уж не хотелось обсуждать все плюсы и минусы, которые повлечет за собой закрытие для общественности целого острова. Не о чем тут спорить.